



Инесса Шевцова (псевдоним Инна Часевич) живёт и работает в г. Саров, окончила Нижегородское театральное училище и Литературный институт им. Горького. Публиковалась в журналах: «Земляки», «Нижний Новгород», «Нижегородская провинция», «Искорка», «Российский колокол», «Великороссь», «Литкультпривет», «Союз писателей», «Электронные пампасы», «Истоки», «Крылья», «Простокваша», «Приокские зори», «Дальний Восток», «Сценарии и репертуар», «Автограф», «Поем. Танцем. Рисуем», «Детское чтение для сердца и разума», «Фабрика литературы», «Рукопись», «Нева», «Сура».

**Инесса Часевич**  
**г. Саров**

### **Матвейч**

- Слышь, связь, спроси, когда обед прибудет? Живот подвело!

- Дык ведь уже звонил, сказали – ложки готовьте, значит, едет, чего ты, Фёдор, воду мутишь?

- Дык уже час прошел, а где обед то?!

- Ну, мало ли где наш дед задержамси? Он, ведь как говорит: лучше холодную кашу из кастрюли есть, чем горячую с земли собирать. Под обстрел попал, переживает где-нить, или еще чего приключилось. Не кипятись, подождать надо.

- Нет, ну чего ж себе, братцы – вдруг немчура на нас пойдет, а мы – голодные?! Солдат с голодным брюхом – не солдат.

- Верно! - поддержал крепкого, коренастого рязанца Фёдора веселый белозубый белорус Юрась, – надо сказать начальству – пусть ему новую кобылку дают, а то на его

кляче покаааа дотелепаешься... Тут не обед, ужин накрывать надо будет.

- Эва хватил! Ужин! Мы уж немчуру поганую в Берлине бить будем, пока он на своей Ласточке до нас доберется!

- Да уж, Ласточка его – тот еще сокол, – весело заржали бойцы, шутками да разговорами пытаюсь заглушить крепко схватившее живот чувство голода.

- Простите, пожалуйста, - несмело обратился к сидящим в окопе прибывший утром в часть долговязый, нескладный москвич Миша. Он поправил смешные круглые очки и повторил: «Простите, пожалуйста. А почему вы повара дедом называете? Разве пожилых на фронт берут?»

- Ну эт, мил человек, с какой стороны посмотреть. Скажем, чтоб женихаться – он старик, а чтоб воевать – в самый раз! – заулыбался Юрась, – годочков то ему под шестьдесят будет, а, может, на седьмой десяток повернуло – мы в паспорт не глядели. Сейчас всех берут и старых, и малых – тебя ж вот взяли? Птенца желторотого?! – под одобряющий смех бойцов закончил белорус.

Миша покраснел и слегка заикаясь, ответил: «Я не такой молодой, мне уже девятнадцать... почти...» Чем вызвал новый прилив хохота слушавших.

- Большоооой!

- Бери выше – старый!

- Жаних! – Послышалось со всех сторон. Михаил еще больше покраснел и тихо добавил: «Я уже на второй курс университета перешел».

- Ладно, – примирительно сверкнул белозубой улыбкой Юрась, – воевать научишься. А Матвеич наш такой, знаешь, седой, волос, как у лешака – густющий, усищи как у товарища Буденного – во! – тут белорус чиркнул себя ладонью чуть не по пояс, пытаюсь показать, какие у «деда» знатные усы.

- Мужик он не строевой, науке воинской не обучен, - вступил в разговор молчаливый Василий из Пскова, – вот и определили его к котлам.

- Кашеварит то он знатно, так ведь, братцы? – оглядел всех Юрась.

- Ну, чего про кашу то затянул? – недовольно буркнул Фёдор. – Еще пуще живот подвело. Неужто вовсе не дождемся нынче?

- Может быть, на него напали? – робко спросил Михаил, в который раз поправляя свои круглые, перетянутые суровой ниткой очки.

Новый взрыв хохота потряс окоп.

- Ну, малый, мастак ты придумывать, – веселился Юрась, – на писателя что ль учился?

- На учителя русского языка и литературы, – покраснев до кончиков русых волос, сказал новичок, стараясь ни на кого не смотреть.

- Сила! Ладно, ты нам потом вирши каки-нить считаешь, – Фёдор приподнялся и, сложив рупором ладони, гаркнул в окоп связистам. – Слышь, рация, прозвони своим в штаб – чего там про Матвеича слышать?

Через пару минут связист ответил: «Не возвращался!»

- Точно искать нать. Чего без толку сидеть? Може, верно, писатель наш сказывает – на немцев дед наткнулся?

- У деда бердан знатный! С гражданской еще! Ему никакой немец не страшен! – загоготали вокруг.

- Вы хотите сказать, что у повара оружие есть? – Михаил в очередной раз поправил свои круглые очки и часто-часто заморгал.

- Ну, ты даешь, студент, – веселился Юрась, – как на фронте, да без оружия?! Выдали нашему деду трехлинейку образца семнадцатого года. Винтовочка тебя старше, писатель. Вот фрицы то напугаются такого музейного экспоната.

Тут белорус перестал смеяться, и серьезно закончил: «Правда, искать надо, видать, правда, случилось что-то с нашим знатным кашеваром».

Пошли втроем: крепыш Фёдор, балагур Юрась и студент Миша. Дорогой они внимательно смотрели по сторонам, пытаясь найти хоть какие-то следы полевой кухни и молчаливого сибиряка Матвеича. Минут через двадцать пешего хода белорус, у которого был самый острый слух, резко остановился.

- Похоже, там кто-то есть, – кивнув на едва проглядывавшую между деревьями поляну, Юрась опустил на землю и по-пластунски, бесшумно и быстро, заскользил через кусты. Через несколько томительных минут ожидания раздался призывный свист. Фёдор с Мишей рванули через заросли. Картина, которая открылась им на поляне, превзошла все самое ожидаемое, да и не ожидаемое тоже. Первое, что увидели бойцы, была лежащая на траве убитая Ласточка. Глаза ее уже поддержнула смертельная пелена, тонкие ноги были раскинуты в стороны, на примятой зелени особенно ярко алели пятна крови. Из пробитой в нескольких местах кухни вытекала дымившаяся каша. Матвеич, прислонившись к ее теплому железному боку, спокойно дымил цыгаркой. У его ног лежало семь убитых немецких солдат в маскхалатах...

Бойцы так и застыли на месте. Когда к ним вернулась способность хоть что-то произнести, они тут же засыпала боевого «деда» вопросами. Он, переждав, пока «страсти улягутся» неспешно повел рассказ, начав с того момента, как его знаменитая каша была готова и он отправился с ней на позиции.

- Сперва сначала я, как положено, в штаб обед те отвез.

- Да это понятно, – нетерпеливо перебил его Юрась. – Ты лучше расскажи, как вот это (он широким жестом обвел поляну и убитых немцев) тебе удалось!

- Я и сказываю. Поехали мы с моей Ласточкой, эх, жаль кобылку те, надежный друг был...

- Матвеич, не тяни душу! Говори, давай!

- А я от и говорю. Не перебивай, быстрота те нужна при ловле блох, а война – она ума да терпения требует. Едем мы стал быть, с моей Ласточкой, смотрю, она ушами прыдет, да мордой по сторонам крутит, чует чтой-то. «Тпру, говорю, милая...», а она те, умница, встала как вкопана. Отвел ее малек в сторонку, а сам гляжу, туда, куда она морду те свою тянула. Глаз у меня уж не тот, далёко не вижу, разглядел токмо очертания какие-то за деревьями. Залег я, да винтовочку свою на изготовку взял. Как ветка в том месте шорохнулась, я туда пулю и всадил. Чую, вроде, вскричал кто. Тут они начали по мне палить. Ну, а я винтовочку перезарядил, да аккурат туда, где мелькало и стрельнул... Потом ишо... Тяжелы, подлецы, оказались, еле доволлок суда те... Кобылку мою токмо жалко, немчура поганная зацепила, да и вас без каши оставил, уж простите, братцы.

- А когда вы стрелять так метко научились, вы же на позициях не воевали? – от изумления бывший студент так часто моргал глазами, что, казалось, они у него выпадут прямо на гимнастерку.

- Иш, мил человек, хватил, – засмеялся в буденовское усы Матвеич. Не воевал, конечно, факт, да ить я – сибиряк. И дед мой, и отец, и я – все охотники. В глаз белке попадать с измальства научены. А на фронте те между обедом да завтраком я берданочку свою пристрелял, чтоб сподручней было пользоваться, ежели что...

Вообщем, остались все без знатного кашевара, а Матвеич с винтовкой, правда, не трехлинейной, а снайперской до Праги дошел.

## Колечко

Маруся покрикивала на лошадь, шарахавшуюся от каждого грохота далекой канонады и норотившую встать посреди дороги.

- Но, кому говорят, бестолковая! Но! До завтра что ли шагать будем?

Марусе было жутко страшно, вдруг какой шальной снаряд сюда залетит, но ехать надо, вот она и понукала, и покрикивала на родную Звездочку. Мамка с утра наказала:

- Давай, Манька, садись на телегу и дуй до мельницы. В доме муки ни крохи нет, что есть будем?

Маруся натянула любимое ситцевое платье в синий цветочек, надела отцовскую фуфайку, материны сапоги, повязала на голову белый платок и вывела со двора Звездочку. Ветер отовсюду наносил запах печеной картошки. В соседних селах, разбомбленных немецкими самолетами, горели избы, в подполах которых лежала картошка, заботливо приготовленная на зиму. Мать с Марусей загодя выкопали в огороде большую яму и сложили туда два мешка зерна: никто не знал, что их дальше ждет, так что запасы лишними не будут. Вчера кончилась последняя мука, пришло время собираться на мельницу: ртов то в доме много, да все мал мала меньше. Маруся была самая старшая из детей, мелким и за мамку, и за няньку приходилась. Как только увидит, что мать опять с животом ходит, сразу в слезы – это ж ей нянчиться! Маруся и уроки с младшими «делала» - привяжет к ноге веревку от люльки, на печку заберется, книжку читает или в тетрадке пишет, а сама ногой качает. Попробуй не покачай: мать хворостиной отделяет. Все подружки гулять идут, а Маруся с братьями да сестрами возится. И ведь любила их, как мать родная, другая б возненавидела, а она нет: и покормит, и песню споет, и утешит, если беда у них какая детская приключится. Они ее тоже любят, что Валька, что Нинка, что Зинка, что Саш-

ко — самый младший братишка. Была б их воля, так бы и не отходили от старшей целый день.

Звёздочка, настороженно прядя ушами, осторожно двигалась вперед. Мария впервые так близко увидела страшный оскал войны: разбитые дома вдоль дороги, срезанные березки, распластавшие по земле засыхающую листву, зияющие, как беззубые кричащие рты, воронки от снарядов. Марусе стало страшно. В ее родное Носково война еще не пришла, собирала свою страшную жертву рядом. Отец в июле ушел добровольцем. Как мать не плакала, как не голосила, собрал вещь-мешок и подался к военкомату. Маруся у околицы долго махала ему белым платочком, до тех пор, пока были видны носковские мужики, уходившие нестройными рядами по пыльной дороге. Хотела она покричать, порыдать по отцу, но когда вернулась домой и увидела детвору, от голода плачущую, стало не до слез. Стянула Маруся с плеч платок, посеревший от июльской пыли и занялась привычным делом: покормить-помыть-утешить. Мать целыми днями в колхозе пропадала, продовольствие для фронта готовила, а Маруся по хозяйству суетилась.

Вот и сегодня кому как не ей на мельницу ехать? Хоть и далеко и страшно одной девчонке было: ей ведь всего-то четырнадцать исполнилось, да и ростиком она не вышла, младшие ее уже перегнали, а то делать?

Как добрались они со Звездочкой до мельницы, так там и застряли. Два дня в очереди ждала, уйма телег скопилась, со всех ближних деревень народ собрался. Куда деваться? Пришлось ждать. Мать отпросилась у председателя, взяла колхозную лошадь, привезла молока и картошки — все, что в доме было, и тут же в обратный путь подалась. Муку к следующему вечеру только смололи, и тут другая задача нарисовалась: как этот мешок на телегу взгромоздить? Ни ростом, ни силой Маруся не вышла. Но мир не без добрых людей, две бабы незнакомые с соседних телег соскочили, втроем они мешок и погрузили.

Через два месяца после отправки на фронт отец пропал. Письма от него приходят перестали. Неделю нет, две, три. Клавдия в военкомат несколько раз ходила, а там только руками разводили: в списках погибших, пропавших без вести, раненных – такой не значится. Стало быть, жив. А почему весточки не подает? Как это так: был человек и нету?!

Клава совсем извелась, на младших кричала, Марусю загоняла, есть-пить не могла. Бабы, с которыми каждый день на ферме с утра до вечера пропадала, никак понять не могли: что такое, почему Клавдюшка совсем на себя не похожа стала. А, выспросив, поохав да поахав, научили ее, что сделать, как про мужа узнать. В тот вечер домой Клава не шла, а летела. Вбежав в избу, и едва скинув платок и сапоги, скомандовала:

- Манька, полезай на печку и гляди. В два глаза гляди!

Маруся послушно полезла, не понимая, куда и зачем смотреть, но спрашивать у матери поостереглась. Клавдия тем временем села за стол, поставила на него зеркало, прислонила к стакану с водой, потом сняла с пальца обручальное колечко, и положила так, чтобы видеть его отражение. Валька попыталась влезть матери на колени, но Клавдия так громко на нее шикнула, что мелкая кубарем откатилась в угол и обиженно устроилась на лавке. Нина к столу подходить не стала, а тихонько подсев к сестре, с недоумением поглядывала на мать. Вера с Сашко-младшим уже давно сопели на печке.

- Гляди, Маня, гляди со вниманием, прям на зеркало гляди в то место, где кольцо мое видать. Что разглядишь, скажешь.

Маруся, хоть и не понимала, к чему мать все это затеяла, во все глаза принялась вглядываться в отражение. Потянулись молчаливые минуты, нарушаемые лишь тихим похрапыванием сестер, задремавших на лавке в углу. Но,



как ни старалась, Маруся, ничего она в зеркале не видела. Немного подождав, мать требовательно спросила:

- Ну? Мань, чего молчишь? Чего видишь то? Говори, не тяни душу.

- Ничего не вижу...

- Да как так то? Бабы сказывали – верный способ! Ты, може, не туда глядишь то?

- Туда...

- Гляди, гляди, шибче гляди! Хозяина нашего видать должно...

Марусе очень хотелось узнать, что случилось с отцом, и она снова начала напряженно всматриваться в то место, где отражалось материнское колечко. Через несколько томительных минут, она вдруг ясно увидела фигуру в большом тулупе, с винтовкой за плечами. Этот человек вдруг начал «расти» и Мария отчетливо рассмотрела лицо отца в какой-то непривычной островерхой шапке. Он что-то кому-то говорил, но слов не было слышно, девочка попыталась прочесть по губам, но не смогла и закричала, что есть мочи:

- Папка, папка!

Видение исчезло. От неожиданного крика проснулись младшие, Сашка заплакал, Валька с Нинокой подскочили на лавке и, хлопая осоловевшими глазами, силились понять, что происходит. Мать подбежала к печке.

- Видала? Что видала то? Ну?

Маруся, подхватив на руки самого маленького, торопливо рассказывала Клавдии, нетерпеливо переминающейся у печки:

- Жив, тятка, жив. Он с винтовкой стоит, в тулупе, точь, как евойный, что у нас в сенях висит, а на голове шапка треугольная.

- Какая шапка? – не поняла мать.

- Ну, такая, – и она подняла руки над головой, сложив их домиком.

- Не раненный? Не в крови?

- Не! Стоит с винтовкой, живехонький!

После этого вечера, Клавдия немного успокоилась, перестала выть по мужу, как по мертвому. Марусю закрутил ворох дел, и она постепенно забыла о гадании. Утром по хозяйству оставалась, днем бежала в поле, а ночью, когда бабы уходили по домам, ребятня, впрягшись вместо лошади в жернов, мололи муку или вручную веяли овес, очищая его от мякины. Когда спали, когда ели – да Бог знает.

Весной сорок пятого «долетела» до родного Носкова весточка от отца, а еще через пару недель пришло письмо, в котором он писал, что тяжело ранен и лежит в госпитале под Кенигсбергом.

Летом отец сообщил, что едет домой, только сам со станции добраться никак не сможет и поехала Маруся его забирать с поезда. Ради героя-фронтовика, у которого взрывом оторвало ногу, председатель дал свою лошадь. Пока тряслись обратно в старой телеге, Маруся спросила, где он столько военных лет был, пока не попал в памятный бой под город Кенигсберг.

- На границе, дочка, был, на китайской. Страну нашу охранял.

- Ух. А оружие у тебя было?

- А как же? Винтовка, как положено.

- А на границе той зима бывает?

- Конечно! Когда холода были, нам тулупы выдавали, навроде того, что у нас в сенях висит, они теплющие, никакой мороз не страшен.

- Ох ты ж! Тять, а на голове у тебя что было?

Отец подивился странному вопросу.

- Шапка, буденовкой называется. Такие в гражданскую носили. Ну, такая вот, треугольная, – отец сложил над головой руки домиком, – а чего ты вдруг про шапку то? Маруся, улыбнулась и, немного помолчав, принялась рассказывать отцу про младших, которые его, поди, сейчас и не вспомнят...